

П р е д и с л о в и е

За свою долгую и продуктивную жизнь Людвиг фон Мизес опубликовал много книг и статей. Каждая из них стала важным вкладом в теорию и применение экономической науки. Но в их ряду четыре великих шедевра, четыре бессмертных памятника величайшему экономисту и исследователю человеческой деятельности нашего столетия. Первый — «Теория денег и кредита» (1912). С этой работой Мизес утвердился как первоклассный экономист. В ней он впервые интегрировал теорию денег и теорию относительных цен, а также наметил в общих чертах разработанную позже теорию делового цикла. Второе великое произведение Мизеса — «Социализм» (1922), в котором была дана окончательная и исчерпывающая критика социализма и показано, что в условиях социалистического порядка невозможно производить экономические расчеты. Третьим был колоссальный трактат «Человеческая деятельность» (1949), в котором изложена целостная структура экономической теории и анализа действующего человека. Эти три работы оставили след в экономической теории и сыграли важную роль в «австрийском» возрождении, происходившем в США на протяжении последних десятилетий.

Однако четвертое и последнее великое произведение Л. Мизеса «Теория и история» (1957) не имело большого резонанса и редко цитируется даже молодыми экономистами недавнего «австрийского» возрождения. Оно остается забытым шедевром Мизеса. Однако это произведение представляет собой философскую опору и дальнейшее развитие философии, лежащей в основании «Человеческой деятельности». Эта великая методологическая книга Людвиг фон Мизеса объясняет основы его подхода к экономической теории и дает блестящую критику таких ложных альтернатив, как историзм, сциентизм и марксистский диалектический материализм.

Несмотря на свою важность, «Теория и история» не получила известности, потому что в нашу эпоху слепой академической специализации экономическая наука не желает иметь дело ни с чем, что имеет привкус философии. Безусловно, гиперспециализация играет свою роль, но в последние несколько лет интерес к методологии и фундаментальным основам экономической теории резко усилился. Так что можно было предположить, что уж специалисты в *этой* области найдут что обсудить и почерпнуть в этой книге, а экономисты не настолько увязли в жаргоне и путаном стиле, чтобы не откликнуться на ясную и искрометную прозу Мизеса.

Весьма вероятно, что игнорирование «Теории и истории» связано как раз с содержанием ее философского посыла. Многие знают о той долгой и одинокой борьбе, которую Мизес вел против этатизма во имя *laissez faire*, но мало кто понимает, что в среде экономистов существует намного более сильное сопротивление методологии Мизеса, чем его политике. В конце концов, сегодня среди экономистов приверженность свободному рынку не является редким явлением (хотя и не отличается мизесовской безошибочной последовательностью). Но немногие готовы принять на вооружение типично «австрийский» метод, систематизированный Мизесом и названный им «праксиологией».

В основе подхода Мизеса и праксиологии лежит концепция, с которой он начинает «Теорию и историю»: методологический дуализм, ключевое положение о том, что способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул. Почему? Очень просто: потому что сущность людей состоит в том, что они имеют цели и намерения и что они пытаются достичь этих целей. Камни, атомы, планеты не имеют целей или предпочтений; следовательно, они не *выбирают* между альтернативными курсами действий. Атомы и планеты движутся или их движут; они не могут выбирать, производить отбор путей действий, менять свои намерения. Мужчины и

женщины могут и делают это. Поэтому атомы и камни можно подвергнуть исследованию, можно вычертить их курсы и предсказать траектории. С людьми этого проделать нельзя; каждый день люди учатся, обретают новые ценности и цели, меняют свои намерения; в отношении людей невозможно сформулировать предсказаний, как это можно сделать в отношении объектов, не имеющих мозга или не обладающих способностью учиться и выбирать.

Сейчас нам понятно, почему экономисты так упорно сопротивляются подходу Людвиг фон Мизеса. Дело в том, что экономическая наука, подобно всем остальным социальным наукам, находится во власти мифа, который Мизес справедливо и пренебрежительно называл «сциентизмом» — идеи о том, что единственным подлинно «научным» подходом к изучению человека является подражание подходу физических наук, в частности, наиболее престижной из них — физике. Чтобы стать столь же подлинно «научной», как физика и другие естественные науки, экономическая наука должна избегать таких концепций, как намерения, цели и обучение; она должна отвлечься от разума человека и просто описывать события. Она должна не обсуждать изменение намерений, а утверждать, что события предсказуемы, так как по первоначальному девизу Эконометрического общества «наука — это предсказание». А чтобы стать «твердой» и «настоящей» наукой, экономическая теория должна рассматривать людей не как уникальные создания, а как однородные и потому предсказуемые части «данных». Одна из причин, по которой ортодоксальная экономическая теория всегда испытывала огромные трудности с ключевой концепцией предпринимателя, состоит в том, что каждый предприниматель очевидно уникален, а неоклассическая экономическая теория не умеет справляться с индивидуальной уникальностью.

Кроме того, предполагается, что «настоящая» наука должна опираться на один из вариантов позитивизма. Так, в физике ученый сталкивается с большим количеством

однородных, единообразных составных частей события, которые можно исследовать на предмет выявления количественных регулярностей и констант, например, скорости, с которой объекты падают на землю. Соответственно, для объяснения классов поведения или движений ученый формулирует гипотезы и затем дедуцирует различные утверждения, с помощью которых он может «проверить» теорию сравнением с реальным, эмпирическим фактом, с наблюдаемыми частями событий. (Например, теория относительности может быть проверена изучением определенных эмпирически наблюдаемых характеристик затмения.) В версии старого позитивизма ученый «верифицирует» (т.е. подтверждает) теорию посредством ее эмпирической проверки. В более нигилистичном неопозитивизме Карла Поппера, в ходе эмпирической проверки исследователь может только «фальсифицировать» (т.е. опровергнуть) или «нефальсифицировать» теорию. В любом случае, его теории всегда являются предварительными и никогда несомненно истинными, поскольку он всегда обнаружит, что другие, альтернативные теории смогут лучше объяснить более широкий класс явлений, что новые факты могут войти в противоречие с теорией. Ученый должен всегда носить маску скромности и беспристрастности.

Одним из проявлений гениальности Людвиг фон Мизеса было осознание, что здравая экономическая теория не следует этим путем, и разработка убедительного обоснования этого любопытного факта. Вокруг скорее идиосинкразического использования Мизесом термина «априори» существует много ненужной путаницы, что дает энтузиастам современных научных методов шанс воспользоваться ею, чтобы отвергать Мизеса как просто ненаучного мистика. Мизес увидел, что исследователи человеческой деятельности находятся, с одной стороны, в лучшем, а с другой — в худшем, но, вне всяких сомнений, в отличающемся положении, по сравнению с представителями естественных наук. Физик видит перед собой события, состоящие из однородных составных

частей, и путем проб и ошибок формулирует и проверяет объясняющие, или причинные теории для этих эмпирических событий. Но в человеческой истории мы, сами будучи людьми, уже знаем причины событий; а именно тот первичный факт, что люди имеют цели и намерения и действуют, чтобы их достичь. И этот факт известен не предварительно и с какими-то колебаниями, а абсолютно и аподиктически.

Чтобы продемонстрировать разницу между двумя фундаментальными подходами к человеческому поведению, Мизес на своих лекциях приводил пример: наблюдение за поведением людей на станции Грэнд Сентрал в час пик. «Объективный», или «подлинно научный» бихевиорист, говорил он, будет наблюдать эмпирические события: например, людей, бесцельно мечущихся взад и вперед в определенное предсказуемое время дня. И это *все*, что он узнает. Но истинный исследователь человеческой деятельности начнет с факта, что любое человеческое поведение является целеустремленным, и поймет, что цель состоит в том, чтобы утром добраться из дома до поезда, чтобы доехать до работы, а вечером, наоборот, и т.д. Не возникает никаких сомнений, кто из них узнает больше о человеческом поведении, и, следовательно, кто будет подлинным «ученым».

Именно из этой аксиомы, факта целеустремленного человеческого действия, дедуцируется вся экономическая теория; экономическая наука исследует логические следствия всепроникающего факта действия. Так как мы обладаем абсолютным знанием, что человеческая деятельность является целеустремленной, то знание выводов на каждом шаге логической цепочки обладает такой же достоверностью. В «проверке» этой теории нет никакой необходимости, если эта концепция вообще имеет какой-либо смысл в этом контексте.

Является ли факт человеческой целеустремленной деятельности «верифицируемым»? Является ли он «эмпирическим»? Да, но определенно нет в точном, или количественном понимании, в котором его применяют те,

кто подражает физике. Этот эмпиризм — широкий и качественный, вытекающий из сущности человеческого опыта; он не имеет ничего общего со статистикой и историческими событиями. Кроме того, он зависит от того факта, что все мы являемся людьми и поэтому можем использовать это знание, применяя его к другим представителям этого биологического вида. В еще меньшей степени аксиома целеустремленной деятельности является «фальсифицируемой». После того, как это упомянуто и обсуждено, становится таким очевидным, что она составляет самую суть нашего опыта в этом мире.

Точно также экономическая теория не нуждается в «проверке», так как ее невозможно проверить путем сличения ее утверждений с однородными составными частями единообразных событий. Таких событий просто не существует. С помощью использования статистики и количественных данных можно попытаться замаскировать этот факт, но их кажущаяся точность основывается на исторических событиях, которые не являются однородными ни в каком смысле. Любое историческое событие представляет собой сложную, уникальную равнодействующую влияния многих причинных факторов. Так как оно уникально, его нельзя использовать для позитивистских проверок. Так как оно уникально, его также нельзя объединять с другими событиями в форме статистических корреляций и получать при этом какой-либо осмысленный результат. К примеру, при анализе деловых циклов недопустимо считать каждый цикл строго однородным по отношению ко всем другим и, следовательно, складывать, умножать, манипулировать и сопоставлять данные. Усреднение двух временных рядов и гордое заявление, что ряд X имеет четырехмесячное опережение по сравнению с рядом Y в некоторой фазе цикла, не несет никакого смысла. Так как: (а) ни один конкретный временной ряд может не иметь четырехмесячного опережающего лага, и эти лаги могут иметь широкий разброс значений; и (b) среднее любых прошлых рядов не имеет никакого

отношения к будущим данным, которые будут иметь в конечном итоге непредсказуемые отличия от предшествующих циклов.

Благодаря тому что Людвиг фон Мизес разрушал все попытки использовать статистику для построения или проверки теории, его обвиняли в том, что он является чистым теоретиком и не испытывает никакого интереса к истории. Наоборот, и это является центральной темой «Теории и истории», именно позитивистам и бихевиористам недостает уважения к уникальному историческому факту, когда они пытаются втиснуть сложные исторические факты в прокрустово ложе движений атомов или планет. В человеческой деятельности сложное историческое событие само нуждается в объяснении, насколько это возможно, посредством различных теорий; но оно никогда не может быть полностью или точно детерминировано ни одной теорией. Проблемы, возникающие от того, что предсказания кандидатов в экономические прорицатели всегда сталкиваются с морем данных, особенно тех, которые предъявляют претензии на количественную точность, в главном течении экономической науки решаются путем очередной тонкой настройки модели и повторных попыток. Именно Людвиг фон Мизес признал, что суть далее несводимых человеческих условий составляют свобода разума и выбора, и понял, что, следовательно, научное стремление к детерминизму и полной предсказуемости является поиском невозможного — и поэтому глубоко ненаучно.

Нежелание некоторых молодых «австрийцев» бросать вызов господствующей методологической ортодоксии ведет либо к открытому принятию позитивизма, либо вообще к отказу от теории в пользу туманно эмпирического институционализма. Погружение в «теорию и историю» заставило бы осознать, что истинная теория не оторвана от мира реального, действующего человека и что можно отказаться от научных мифов, продолжая использовать аппарат дедуктивной теории.

Подлинного возрождения «австрийской» теории не произойдет до тех пор, пока экономисты не прочитают и не усвоят жизненно важные уроки этого, к сожалению, игнорируемого произведения. Без прaksiологии никакая экономическая теория не будет истинно «австрийской» или истинно здоровой.

Мюррей Ротбард
Нью-Йорк, 1985

В в е д е н и е

1. Методологический дуализм

Смертный человек не знает, какой представляется Вселенная и все, что в ней содержится, сверхчеловеческому интеллекту. Возможно, этот величественный разум будет в состоянии дать логически последовательное и всеобъемлющее объяснение всех явлений. К великому сожалению, по крайней мере до сих пор, человек путался, пытаясь преодолеть пропасть между разумом и материей, наездником и лошадью, каменщиком и камнем. Было бы нелепо представлять эту неудачу в качестве достаточно-го доказательства правильности дуалистической философии. Единственный вывод, который можно из этого сделать, это то, что наука, — по крайней мере на данном этапе — должна принять на вооружение дуалистический подход не столько в качестве философского объяснения, а скорее как методологический прием.

Методологический дуализм воздерживается от любых утверждений по поводу сущностей и метафизических концепций. Он просто учитывает тот факт, что мы не знаем, каким образом внешние события — физические, химические и физиологические — влияют на человеческие мысли, идеи и ценностные суждения. Все это расщепляет царство знания на две отдельные области: царство внешних событий, обычно называемое природой, и царство человеческого мышления и деятельности.

Наши предки смотрели на эту проблему с этической или религиозной точек зрения. Материалистический монизм отвергался как несовместимый с христианским дуализмом Создателя и создания, бессмертной души и смертного тела. Детерминизм отвергался как несовместимый с основополагающими принципами морали, а также с уголовным кодексом. Большая часть аргументов, выдвигавшихся в этих спорах в поддержку соответствующих догм, были несущественными и неуместны с точки зрения методологии сегодняшнего дня.

Детерминисты ограничивались постоянным повторением своего тезиса, почти не делая попыток как-то его обосновать. Индетерминисты не признавали утверждения своих противников, но были неспособны атаковать их слабые места. Длительные дебаты оказались не очень плодотворными.

Когда на сцене появилась новая наука — экономика, — предмет споров изменился. Политические партии страстно отвергали все практические выводы, к которым необходимо приводила экономическая мысль, но, не будучи способными выдвинуть ни одного здравого возражения против их истинности и корректности, уводили спор в область эпистемологии и методологии. Экспериментальные методы естественных наук были провозглашены единственно адекватным способом исследования, а индукция на основе чувственного опыта — единственно допустимым способом научного рассуждения. Они вели себя так, как будто никогда не слышали о логических проблемах, связанных с индукцией. Все, что не было ни экспериментированием, ни индукцией, в их глазах являлось метафизикой, — термин, который они использовали как синоним бессмыслицы.

2. Экономическая наука и метафизика

Науки о человеческой деятельности начинают с того факта, что человек целенаправленно стремится к выбранной им цели. Именно эту целеустремленность все разновидности позитивизма, бихевиоризма и панфизикализма стремятся либо вообще отрицать, либо обойти молчанием. Однако было бы глупо отрицать, что человек, очевидно, ведет себя так, как будто стремится к определенным целям. Поэтому отрицание целеустремленности в установках человека можно отстоять, только если предположить, что выбор и целей, и средств всего лишь кажущийся, и что человеческое поведение в конечном итоге определяется психологическими событиями.

ями, которые можно полностью описать на языке физики и химии.

Даже самые фанатичные поборники «единой науки» [1] избегают недвусмысленно поддерживать столь резкую формулировку своего фундаментального тезиса. До тех пор пока не будет открыта определенная связь между идеями и физическими или химическими событиями, из которых они возникают как регулярное следствие, тезис позитивистов остается эпистемологическим постулатом, выведенным не из научно установленного опыта, а из метафизического мировоззрения.

Позитивисты говорят, что когда-нибудь появится новая научная дисциплина, которая выполнит свои обещания и опишет во всех деталях процессы, производящие в теле человека определенные идеи. Давайте не будем сегодня ссориться по поводу подобных проблем будущего. Но очевидно, что это метафизическое утверждение никоим образом не способно лишить обоснованности результаты дискурсивного рассуждения наук о человеческой деятельности. По эмоциональным причинам позитивистам не нравятся необходимые выводы, к которым человека приводят экономические учения. Но будучи не в состоянии найти никаких изъяснений ни в рассуждениях экономистов, ни в получаемых на их основе выводах, позитивисты прибегают к метафизическим схемам с целью дискредитировать эпистемологические основания и методологический подход экономической науки.

В метафизике нет ничего плохого. Без нее человек обойтись не может. К сожалению, позитивисты ошибочно использовали термин «метафизика» как синоним бессмыслицы. Но ни одно метафизическое утверждение не должно противоречить выводам дискурсивного рассуждения. Метафизика не является наукой, и апеллирование к метафизическим понятиям в контексте исследования научных проблем бесполезно. Это верно также и в отношении метафизики позитивизма, которой ее сторонники дали название антиметафизика.

3. Регулярность и предсказание

Эпистемологически отличительным признаком того, что называется природой, следует считать устанавливаемую и необходимую регулярность взаимосвязи и последовательности явлений. С другой стороны, отличительным свойством того, что мы называем областью человеческого, или историей, или лучше — сферой человеческой деятельности, является отсутствие такой универсально господствующей регулярности. В идентичных условиях камни всегда одинаково реагируют на одинаковые стимулы; мы можем что-то узнать об этих постоянных моделях реагирования и можем использовать это знание, направляя свои действия к определенным целям. Наша классификация естественных природных объектов и присваивание названий этим классам есть результат этого познания. Камень суть вещь, которая реагирует определенным образом. Люди по-разному реагируют на одинаковые стимулы, и в разные моменты времени реакция одного и того же человека может отличаться от его предшествующего или более позднего поведения. Людей нельзя сгруппировать в классы, члены которых всегда реагировали бы одинаковым образом.

Это не значит, что будущие человеческие действия абсолютно непредсказуемы. В определенной степени их можно предвосхитить. Но методы, применяемые в подобных прогнозах, и рамки их применимости логически и эпистемологически совершенно отличны от методов, которые применяются в прогнозировании природных событий.

4. Концепция законов природы

Опыт всегда представляет собой опыт прошлых событий. Опыт относится к тому, что было и больше не существует, к событиям, навсегда исчезнувшим в потоке времени.

Осведомленность о регулярности во взаимной связи и последовательности многих явлений не затрагивает того факта, что опыт имеет отношение к тому, что случилось когда-то в прошлом в определенном месте в определенное время при обстоятельствах, существовавших там и тогда. Познание регулярности также имеет отношение исключительно к прошлым событиям. Самое большее, чему нас может научить опыт, заключается в следующем: во всех случаях, наблюдавшихся в прошлом, существовала выявляемая регулярность.

С незапамятных времен люди всех рас и цивилизаций принимали как само собой разумеющееся, что регулярность, наблюдаемая в прошлом, будет также наблюдаться и в будущем. Категория причинности и идея, что явления природы в будущем будут следовать тем же моделям, которые они продемонстрировали в прошлом, представляют собой фундаментальные принципы как человеческого мышления, так и человеческой деятельности. Наша материальная цивилизация суть продукт направляемого ими поведения. Любое сомнение относительно их действительности в сфере человеческой деятельности рассеивается результатами технологического проектирования. История неопровержимо учит нас, что, приняв их на вооружение, наши предки и мы сами поступили мудро. Они истинны в том смысле, который прагматизм приписывает понятию истины. Они работают, или, точнее, они работали в прошлом.

Оставив в стороне проблему причинности вместе с ее метафизическими следствиями, мы должны осознать, что естественные науки целиком и полностью основываются на предположении, что в исследуемой ими области существует постоянная связь явлений. Естественные науки ищут не просто частое совпадение, а регулярность, которая присутствовала во всех без исключения случаях, наблюдавшихся в прошлом, и которая, как ожидается, будет точно так же присутствовать во всех случаях, которые будут наблюдаться в будущем. Когда обнаруживают лишь частое совпадение — как бывает, например,

в биологии, — то предполагают, что именно неадекватность наших методов исследования временно мешает открыть строгую регулярность.

Концепцию неизменного и концепцию частого совпадения ни в коем случае недопустимо смешивать. Ссылаясь на неизменную связь, люди имеют в виду, что никогда не наблюдалось никакого отклонения от постоянной модели — закона — и что они уверены, насколько могут быть в чем-то уверены, что никакое отклонение невозможно и никогда не случится. Наилучшим разъяснением идеи неумолимой регулярности во взаимной связи природных явлений является концепция чудес. Чудесное событие — это нечто, что просто не может случиться при нормальном развитии событий в мире, как мы его знаем, потому что такое событие не может быть объяснено законами природы. Если тем не менее сообщается, что чудесное событие произошло, этому даются две интерпретации, обе полностью принимающие неизбежность законов природы как данность. Верующие говорят: «При нормальном ходе событий это не могло случиться. Это произошло только потому, что Господь в своих действиях не ограничен законами природы. Это событие непостижимо и необъяснимо, это таинство, чудо». Рационалисты говорят: «Этого не может быть и потому не было. Свидетели либо лжецы, либо жертвы иллюзии». Если бы концепция законов природы обозначала бы не неумолимую регулярность, а просто частую связь, то в понятии чуда не было бы никакой необходимости. Можно было бы просто сказать: за *A* часто следует *B*, но в некоторых случаях этот эффект не проявляется.

Никто не говорит, что камни, брошенные вверх под углом 45 градусов, *часто* падают на землю, или что конечность, потерянная в результате несчастного случая, *часто* не вырастает вновь. Все наше мышление и все наши действия направляются знанием о том, что в этих случаях мы сталкиваемся не с частым повторением одной и той же связи, а с постоянным повторением.

5. Ограниченность человеческого знания

Человеческое знание ограничено силой человеческого разума и пределами, в рамках которых объекты воздействуют на человеческие ощущения. Возможно, во Вселенной существуют вещи, которые наши чувства не способны воспринять, и отношения, которые наш разум не может постичь. Вне орбиты того, что мы называем Вселенной, могут также существовать системы вещей, о которых мы ничего не можем узнать, потому что пока никакие следы их существования не проникают в нашу область так, чтобы оказывать воздействия на наши ощущения. Кроме того, возможно, наблюдаемая нами регулярность во взаимной связи природных явлений является не вечной, а преходящей, что она преобладает только на данном этапе (который может длиться миллионы лет) истории Вселенной, и однажды ее могут сменить другие соотношения.

Эти и аналогичные мысли могут побудить добросовестного ученого к крайней осторожности при формулировании результатов своих исследований. В связи с этим философам надлежит быть еще более сдержанными в обращении с априорными категориями причинности и регулярности в последовательности явлений природы.

Априорные формы и категории человеческого мышления и рассуждения нельзя проследить до того, из чего они возникли бы как логически необходимый вывод. Было бы противоречивым ожидать, что логика может чем-то помочь в доказательстве обоснованности фундаментальных логических принципов. О них можно сказать только то, что отрицание их правильности или обоснованности представляется человеческому разуму бессмысленным и что мышление, руководствующееся ими, приводило к успешным способам действий.

Скептицизм Юма был реакцией на постулат абсолютной уверенности, которая для человека никогда недостижима. Те теологи, которые считали, что ничто, кроме откровения, не может дать человеку абсолютной

уверенности, были правы. Человеческое научное исследование не может выйти за границы, очерченные несовершенством органов чувств человека и узостью его разума. Невозможно дедуктивно доказать принцип причинности и синтетический вывод неполной индукции; можно прибегнуть только к не менее недоказуемому утверждению, что существует строгая регулярность во взаимной связи всех явлений природы. Если бы мы не ссылались на это единообразие, то все утверждения естественных наук выглядели бы поспешными обобщениями.

6. Регулярность и выбор

Основной факт человеческой деятельности состоит в том, что относительно нее во взаимной связи явлений такая регулярность отсутствует. И то, что наукам о человеческой деятельности не удалось открыть детерминированные модели стимул—реакция, не является их недостатком. Невозможно найти того, что не существует.

Если бы в природе не существовало регулярности, то невозможно было бы ничего утверждать относительно поведения классов объектов. Нужно было бы изучать каждый отдельный случай и объединять то, что стало о них известно, в историческом объяснении.

Давайте на мгновение предположим, что все физические величины, которые мы называем постоянными, в действительности непрерывно изменяются, и что только неадекватность наших методов исследования не позволяет нам узнать об этих медленных изменениях. Мы не учитываем их потому, что они не оказывают ощутимого воздействия на обстоятельства нашей жизни и не влияют заметно на результаты наших действий. Поэтому можно сказать, что эти величины, установленные экспериментальными естественными науками, вполне можно считать постоянными, поскольку они остаются неизменными на протяжении периода времени, который намного превосходит горизонт планирования наших действий.

Но недопустимо аналогичным образом рассуждать относительно величин, наблюдаемых в области человеческой деятельности. Эти величины очевидно изменчивы. Их изменения оказывают отчетливое влияние на результаты наших действий. Любая величина, которую мы можем наблюдать, является историческим событием, фактом, который мы не можем полностью описать, не оговаривая время и географический пункт.

Эконометрист неспособен опровергнуть этот факт, который разбивает строй его рассуждений. Он не может не признать, что «поведенческих констант» не существует. Тем не менее он стремится ввести какие-то величины, произвольно выбранные на основе исторического факта, в качестве «неизвестных поведенческих констант». Единственное выдвигаемое им оправдание заключается в том, что эти гипотезы «говорят только о том, что эти неизвестные величины остаются достаточно постоянными на протяжении периодов, длящихся годы»¹. Но продолжается ли еще период предположительного постоянства определенной величины, или уже произошло изменение ее значения, можно установить только впоследствии. Ретроспективно можно, хотя лишь в редких случаях, утверждать, что на протяжении некоторого периода (возможно, очень короткого) существует приблизительно стабильное соотношение — которое эконометрист решает назвать «достаточно» постоянным соотношением — между числовыми значениями ценности двух факторов. Но в отличие от констант в физике это нечто совершенно иное. Это утверждение об историческом факте, а не о константе, к помощи которой можно прибегнуть, пытаясь предсказать будущие события.

Не касаясь пока проблемы человеческой воли или свободной воли, мы можем сказать: нечеловеческие объекты реагируют в соответствии с регулярными шаблонами; человек выбирает. Сначала человек выбирает конечные

¹ См.: Cowles Commission for Research in Economics. Report for period January 1, 1948—June 30, 1949. University of Chicago. P. 7.

цели, а затем средства их достижения. Акты выбора определяются мыслями и идеями, о которых, по крайней мере в настоящее время, естественные науки ничего не могут нам сообщить.

В математической трактовке физики разграничение между константами и переменными имеет смысл; оно существенно в любом технологическом расчете. В экономической науке не существует постоянных соотношений между различными величинами. Следовательно, все получаемые данные являются переменными или, что то же самое, историческими величинами. Экономисты-математики постоянно повторяют, что плодотворность математической экономической теории в том, что существует огромное множество переменных. Но дело в том, что есть только переменные и нет констант. Бесмысленно говорить о переменных там, где нет постоянных величин.

7. Средства и цели

Выбрать — это означает отобрать из двух или большего числа способов поведения один и отказаться от других альтернативных вариантов. Там, где человеческое существо оказывается в ситуации, когда ему открыты различные, исключаящие друг друга способы поведения, оно выбирает. Таким образом, жизнь подразумевает бесконечную последовательность актов выбора. Деятельность — поведение, направляемое актами выбора.

Мыслительные действия, определяющие содержание выбора, касаются либо конечных целей, либо средств достижения этих целей. Первые называются ценностными суждениями. Последние представляют собой технические решения, выводимые из фактических утверждений.

В строгом смысле слова действующий человек стремится только к одной конечной цели, к достижению состояния дел, которое подходит для него больше, чем другие альтернативные варианты. Философы и экономисты описывают этот неопровержимый факт, провозглашая,

что человек предпочитает то, что делает его более счастливым, тому, что делает его менее счастливым, что он стремится к счастью². Счастье — в чисто формальном смысле, в котором этот термин применяется в этике, — является единственной конечной целью, а все остальные вещи и состояния, к которым стремится человек, являются просто средствами осуществления высшей конечной цели. Однако обычно используются менее строгие выражения, которые часто приписывают имя конечной цели всем средствам, подходящим для производства удовлетворения непосредственно и немедленно.

Отличительное свойство конечных целей — полная зависимость от личных и субъективных суждений каждого индивида, которые любой другой человек не может ни исследовать, ни измерить, ни в еще меньшей степени скорректировать. Каждый индивид является единственным и конечным арбитром в делах, касающихся его собственного удовлетворения и счастья.

Поскольку часто считают, что это фундаментальное положение несовместимо с христианской доктриной, возможно, уместно проиллюстрировать эту истину примерами из ранней истории христианской веры. Чтобы обрести спасение и высшее блаженство, мученики отвергали то, что другие считали высшими удовольствиями. Они не обращали внимания на своих братьев, призывавших их сохранить себе жизнь, поклоняться статуе божественного императора; а мученики выбрали смерть

² Нет нужды опровергать аргументы, выдвинутые более двух тысяч лет назад, против принципов эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма. Объяснение формального и субъективного характера концепций «удовольствие» и «боль», в котором они применяются в этих доктринах, см.: *Мизес Л.* Человеческая деятельность. — Челябинск: Социум, 2005. С. 17—18; *Feuerbach L.* «Eudamonismus». *Sammtliche Werke*, ed. Bolin and Jodl. — Stuttgart, 1907. Bd. 10. S. 230—93. Разумеется, те, кто не признает иного счастья, кроме того, что дает секс, алкоголь и так далее, повторяют старые ошибки и передергивания.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru